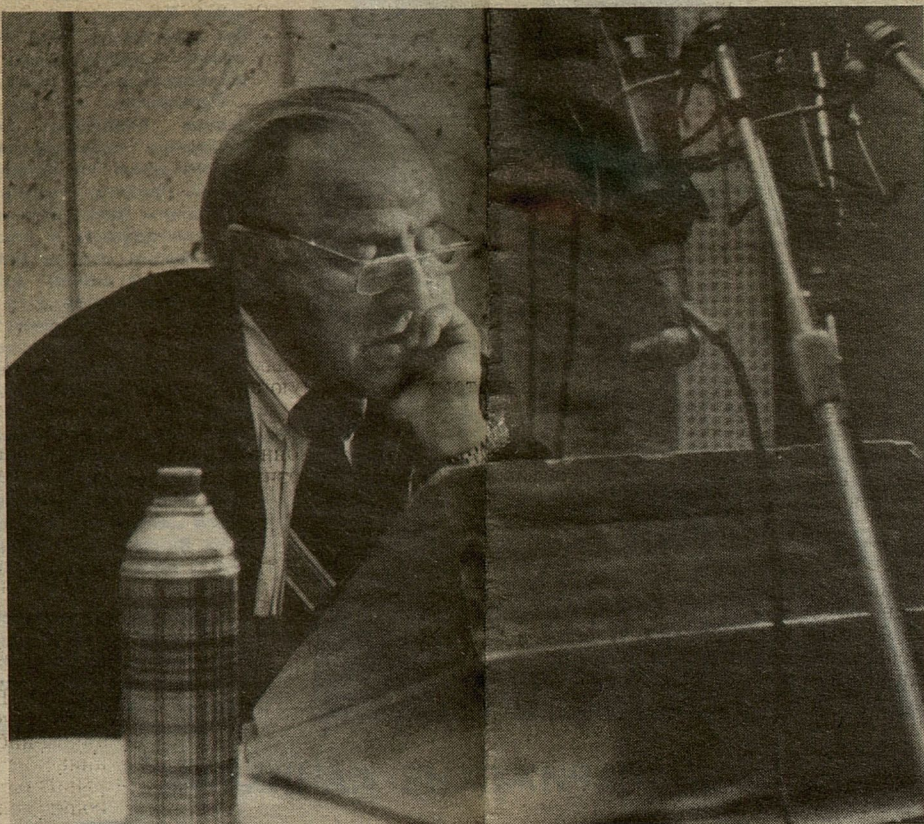

Михаил УЛЬЯНОВ:

«Я БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБЛЮ РАДИО»

Около двадцати лет продолжается творческое содружество актера Михаила Ульянова и режиссера радио Бориса Дубинина. Его результаты — «Песня про купца Калашникова», «Мертвые души», «Очарованный странник», «Тихий Дон», «Василий Теркин». Теперь пришла очередь Достоевского. Моноспектакль должен быть завершен к концу года.

— Чтение высокой литературы по радио имеет чрезвычайно глубокий и мудрый смысл, а сегодня особенно. В давние времена, когда не было телевидения, радио и кино, в семьях — обыкновенных, даже не дворянских — собирались вечером все вместе под лампой и читали вслух тот или иной нашумевший роман. Происходило общение посредством литературы. К счастью или к сожалению, но ТВ вытеснило книгу — или вытесняет. Чтение — процесс активный, наедине с собой, рядом с героями. Оцениваешь их, себя, свое положение в этом мире. Размышляешь о жизни, анализируешь ее...

Телевидение же похоже на принудительное питание. Хочешь не хочешь — выплыви глаза, смотришь на экран и глотаешь то, что тебе дают, ты не в силах, не в состоянии перемолоть это. А так как ТВ — мощное оружие, к тому же оперирующее фактами, то оно подчиняет и не дает тебе размышлять о том, с какими героями, с какими проблемами ты столкнулся в книге.

Посмотреть фильм о братьях Карамазовых, скажем, — это одно, прочесть роман — другое. Посмотреть — значит ознакомиться, прочесть — значит постигнуть. Но читать некогда! То же телевидение отнимает много времени да и сама наша жизнь. Поэтому сейчас читают в основном урывками, либо от усталости штудируют макулатуру, которая дает, как легкий наркотик, забвение.

Я думаю, остался единственный, малоиспользуемый, но, как мне кажется, исходя из своего жизненного и актерского опыта, весьма плодотворный способ знакомства и погружения в настоящую литературу — чтение по радио крупных классических произведений. Почему? Да потому, что как читатель остается наедине с книгой, так слушатель остается один на один с голосом. Не с лицом, усами, шортками, лошадью, массовой и прочим, а с голосом, который рассказывает ему о каком-то событии, чьей-то жизни и смерти. Вот это самое благоприятное. Если говорить серьезно, мы боимся одиночества, нам с самим собой скучно. И бежит человек в общение — в коллектив, артель, банду. А одному действительно страшно! Возникает масса вопросов, на которые нужно хоть как-то получить ответы. Книга, голос радио и дает эти ответы.

Как ни парадоксально, радио богаче телевидения и любого другого визуального искусства, ибо включается фантазия. Толчок ей дает голос. И задача актера, на мой взгляд, — увлечь слушателя, побудить к сотворчеству.

Сейчас все заполонила масса книжной макулатуры, дешевой политики, еще более дешевой рекламы. Рекламируют все, и непонятно, кто это покупает и на какие шиши. Все это одуряет человека, делает его идиотом. Мы вот живем на Арбате, играем спектакли. Есть среди них приличные, есть менее

удачные, есть и просто прекрасные постановки. Но и у нас не полный зал. А рядом с театром бесстыдник и нахал, пользуясь безвластием, порет любую дрянь, любую чушь, любую пошлятину. Стоит вокруг огромная толпа и ржет. Вот сегодняшний уровень культуры! Смотреть Бабеля, скажем, им скучно...

Сейчас происходит бум массовой культуры, и бороться с ней можно лишь повышением общей культуры. Я только констатирую факт, но не знаю, как из этого положения выбраться.

Недавно приехал я на съемки в деревню в Костромской области. Деревня как деревня — запущенная, как-то убого существующая. И стоит кромешный мрак. Такое впечатление, что в России сейчас почти не говорят по-человечески, а лают. Притом не в горячке, не в досаде — это еще можно понять — а эдак, походя. Иду по деревне. Старуха ловит курицу и при этом так орет, так матерится, что просто гнусно. Жалко ее, жалко Россию, жалко русский язык. Что-то надо делать... Мне кажется, радио слушают. И потому надо читать хорошую литературу, надо вталкивать силком Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя!

Меня часто тянут на интервью — я отказываюсь. Не потому, что такой гордый — мне просто нечего сказать людям! Не знаю, как выбираться стране и мне из этой каши, в которую попали. Так вот, вместо этих бесконечных стоннов и жалоб дайте хорошему актеру, мастеру почитать чеховские рассказы, Достоевского, Шолохова.

По «Тихому Дону» мы с режиссером Борисом Константиновичем Дубининым сделали 64 передачи. И люди слушали, были благодарны — писем поступило, наверное, целый мешок. И тот, кто никогда бы заново не прочел роман, теперь запомнит его на всю жизнь.

«Братья Карамазовы» и вообще Достоевский — это вершина актерского напряжения. Не постижения — постичь этот мир, может быть, дано только гению, адекватному Федору Михайловичу. Мы можем только приблизиться к пониманию Достоевского. Для актера проба, так сказать, пера на Достоевском — великая школа.

Мне в жизни повезло: играл в театре Рогожина в «Идиоте», снялся в картине Пырьева «Братья Карамазовы». Это меня обожгло — обожгла тема Митеньки, тема русского человека, о котором он сам говорил: «Широк, широк человек, я бы его сузил». Этот «широк человек» отдаст последнюю рубашку — и убьет за пол-литру. Поделится всем, проглотит обиды — и в пьяном виде может запороть ребенка. И все это Русь. Безумная, непредсказуемая, великая и ужасная. Все это — в характере Мити Карамазова.

После съемок картины я задумал сделать на радио чтецкую программу — «Митенька Карамазов. Исповедь горячего сердца». Но меня не хватило. Не хватило ни сил, ни времени, ни возможностей. Текучка жизни, съемки, очередная работа. Да и лень-матушка! В общем, прошли годы, прежде чем поя-

вилась возможность записать «Карамазовых» на радио. За нее я уцепился обеими руками. Лышу себя надеждой, что мне удастся хоть в малой степени передать красоту этого характера, характеров других героев, всю бездну их страстей.

Картина «Братья Карамазовы» воспринималась по-разному, но имела оглушительный зрительский успех. Ну просто как детектив! Недавно ее показали по телевидению. И замечу: фильм не умер! Страсти, горечь, добро, зло, любовь и ненависть — все живо в ее персонажах, и в сути своей лента не устарела. Устарела, может быть, в эстетике.

Так вот, сейчас мы с Борисом Константиновичем приступили — мучительно, сложно — к «Братьям Карамазовым». Рассчитываем, что получится около 20 передач по полчаса. Работа эта требует огромной сосредоточенности, максимального углубления в бушующий мир Достоевского. Может быть, я повторюсь: наверное, нынче мало кто читает Достоевского, а если и читают, то редко. А читать его надо, ибо там можно найти освещение того, что происходит сейчас по крайней мере в душах людей. Хотя и не считается Достоевский первоклассным стилистом, а какая у него вязь! Длинная, иногда витиеватая фраза, которая как бы выворачивает событие наизнанку. И когда доплывешь до конца фразы, то иногда и дыхания не хватает. А какие у него живые интонации! Три передачи уже прозвучали, и сколько бы ни было моих ошибок и огрехов режиссера, скажу: ей-ей, работает сейчас по крайней мере в душах людей. Хотя и не считается Достоевский первоклассным стилистом, а какая у него вязь! Длинная, иногда витиеватая фраза, которая как бы выворачивает событие наизнанку. И когда доплывешь до конца фразы, то иногда и дыхания не хватает. А какие у него живые интонации! Три передачи уже прозвучали, и сколько бы ни было моих ошибок и огрехов режиссера, скажу: ей-ей, работает сейчас по крайней мере в душах людей.

Великие произведения не требуют образца, они требуют своего подхода. С ролью Мити в кино у меня произошла интереснейшая и психологически точная история. Когда И. Пырьев утвердил исполнителей — и меня в том числе, — я был и очень рад, и испуган, и потрясен, и озадачен. Немедленно начал работать. Работа заключалась в том, что я все время читал роман, пытаюсь вникнуть не только в глубину характера, но и усвоить манеру поведения Дмитрия Федоровича. В романе такие ремарки: возопил, вскричал, дико заорал, его опрокинутое лицо... Словом, какая-то полусумасшедшая личность. И я начал в точности играть, как написано у Достоевского. Старался кричать. Но чем больше я вопил, тем бессмысленнее выглядел. Иван Александрович говорил мне: «Да брось ты книгу!». Я отвечал: «Да как же могу бросить, когда там все написано!». «Сам сообрази», — твердил Пырьев. Потом я понял, насколько он был справедлив. Постичь Достоевского, вероятно, не дано было современникам, и нам трудновато. Каждый находит в этом океане свой путь. И я сообразил, что играть надо не дико вытаращенные глаза и не орущую фигуру, а натуру детскую, потрясенную до глубины души тем, что ему не верят. «В крови отца моего не повинен!» —

произносит Митя. А ему никто, даже брат Алеша, не верит. По крайней мере Митя подозревает, что Алеша не верит. В последней сцене в тюрьме, перед тем как его на 20 лет закатают в Сибирь, он вопрошает: «Ты-то веришь?» Ему важно, чтобы люди друг другу хоть в чем-то верили. Так для себя я решил тему Мити — тему человека, которого не слышат, которому не верят, которого подозревают, и он не может доказать свою безвинность. Вот это и старался играть. Не считая свою работу — образ Мити Карамазова — самой удачной, но то, что она одна из самых любимых, — это точно.

Сейчас я подхожу к своему герою уже несколько по-иному, с других возрастных позиций. Мне важен не просто характер Дмитрия, а его мир — удивительный, страшный, запутанный, гибельный — прекрасный мир души русского человека. Может быть, нет ни одного более точно выписанного русского характера во всем многообразии, чем характер Митеньки Карамазова. Думаю, это одна из самых русских ролей. Поэтому когда ее играл Юл Бриннер — было смешно. Не дано ему постичь. И не оттого, что слабый актер — актер замечательный! Но для него этот характер непостижим, хотя, говорят, у него русские корни. Так и мы иностранцев играем — приблизительно, убого, смешно. Но уж роль Мити Карамазова могут играть только российские актеры! Если уж братья, то так, как это делали Орленев, Мамонт Дальский, Леонидов, Ливанов...

А на радио существуют разные школы чтения. Вот, например, повествование, где автор-чтец остается как бы в стороне, «добро и зло являя равнодушно», — просто читает текст. Мы с Борисом Константиновичем придерживаемся иного взгляда. Мы «разыгрываем» своих героев. Каждый из них имеет свою интонационную характеристику. И когда эту ткань нащупаешь, образ будет ясен и слушателю.

Моноспектакль — это поразительная возможность изобразить все многообразие человеческих страстей, переживаний, коллизий. Господи, чего только ни дают великие романы Толстого, Достоевского, Шолохова! Это действительно благодатнейшая почва, но она требует адского труда.

С Гоголем, например, мне было сложно. Фигуры в «Мертвых душах» гиперболизированы, но в то же время они уже живые люди, вошедшие в нашу жизнь, все эти Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, Чичиковы. Имена стали нарицательными. И существует наигранная, привычная мхатовская хрестоматия, отрешиться от которой мучительно трудно. Нельзя просто рассказывать про Собакевича — необходима характеристика персонажа. Приходилось разыгрывать целые массовые сцены в одиночестве, и в них не должны были потеряться ни губернатор, ни вице-губернатор, ни прокурор. Каждый, даже прозвучав единым словом, должен быть узнан слушателем.

В «Тихом Доне» Григорий обращается к Аксинье в какой-то чуть грубоватой, размашистой манере: А Аксинья, у которой, если можно так выразиться, секс в ушах, — что это за женщина, из-за которой сгорел этот могучий человек? Надо было найти в интонации что-то зазывное, женственное. Удастся — значит слушатель дорисует Аксинью, представит ее такой, какой хочет видеть, и я ему не помешаю, и не важно — женщина, мужчина. Главное — точно схватить интонацию, создать точную голосовую характеристику.

...Скажу откровенно: как актер я больше всего люблю радио. Чистейшая, благороднейшая, аристократическая работа! Но просто так здесь ничего не дается, нужен приличный опыт. В кино, скажем, я могу плохо сыграть — режиссер скрасит это монтажом, освещением, снимет одни мои глаза. А в радиостудии никто тебе не поможет. И гигантское полотно, как «Тихий Дон», если не умеешь — не нарисуешь.

Как я люблю работу у микрофона, хоть и занят чертовски!

Монолог записал
Юрий КРОХИН.

Фото автора.